

УДК 94

DOI 10.25688/20-76-9105.2021.44.4.09

Рабуш Таисия Владимировна

кандидат исторических наук

Санкт-Петербургский государственный университет

промышленных технологий и дизайна

Санкт-Петербург, Россия

e-mail: taisarabush@mail.ru; orcid.org/0000-0001-8790-3402

К ВОПРОСУ О РОЛИ АФГАНИСТАНА КАК ФАКТОРА РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XIX В.

Аннотация. В большинстве отечественных и зарубежных исследований Афганистан в XIX в. рассматривается как объект Большой игры Британии и Российской империи, а не как активный субъект международных отношений. Задача настоящей статьи, — опираясь на исследования и некоторые документы, ответить на вопрос, в какой степени можно говорить о роли Афганистана как активного внешнеполитического актора в рассматриваемый в работе период времени. В основной части статьи рассматривается политика афганских эмиров Дост Мухаммад-хана, Шер Али-хана и Абдурахман-хана, направленная на расширение афганского государства, возвращение утраченных Афганистаном в начале XIX в. территорий и завоевание (присоединение) новых земель. В частности, затронуты такие темы, как присоединение Герата, Кандагара и Афганского Туркестана, соперничество с Британией за обладание княжествами Пригиндукушья, территориальные спорные вопросы двух афганских разграничений, религиозная активность посланцев Афганистана в принадлежащей Российской империи части Центральной Азии, создание линии Дюранда и политика Абдурахман-хана касательно этого, завоевание Нуристана, вопрос о Памире и т. д. Кроме того, автор касается вопроса соотношения активной политики афганских правителей с наступательной политикой Британской империи и приходит к следующему основному выводу: в глобальной системе международных отношений XIX в. Афганистан был объектом внешней политики Британии и Российской империи, но на региональном уровне он выступал как активный актор, о чем свидетельствуют состоявшиеся в обозначенный период времени территориальные приобретения афганских правителей, а также неоднократные попытки осуществления таковых.

Ключевые слова: Афганистан, история Афганистана, Большая игра, внешняя политика Российской империи, внешняя политика Британии, международные отношения в XIX в., история международных отношений.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

Rabush Taisiya V.

candidate of history sciences

St. Petersburg State University industrial technology and design

Saint Petersburg, Russia

e-mail: taisarabush@mail.ru; orcid.org/0000-0001-8790-3402

**ON THE QUESTION OF AFGHANISTAN'S ROLE
AS AN ACTOR REGIONAL SYSTEM OF INTERNATIONAL
RELATIONS IN THE XIX CENTURY**

Abstract. In the majority of Russian and foreign studies, Afghanistan in the 19th century viewed as an object of the Great Game of Britain and the Russian Empire, and not as an active subject of international relations. The purpose of this article is to give an answer to the question to what extent one can talk about the role of Afghanistan as an active foreign policy actor in the period of time considered in this work. The main part of the article examines the policy of the Afghan emirs Dost Muhammad Khan, Sher Ali Khan and Abdurrahman Khan, aimed at expanding the Afghan state, returning territories lost by Afghanistan at the beginning of the 19th century and the conquest of new lands. The following topics were touched upon: the annexation of Herat, Kandahar and Afghan Turkestan; rivalry with Britain for the possession of the principalities of Hindu Kush; territorial contentious issues of the two Afghan delimitations; the religious activity of the Afghan envoys in the part of Central Asia belonging to the Russian Empire; the creation of the “Durand line”; the conquest of Nuristan, etc. The author came to the following conclusion: Afghanistan was the object of the foreign policy of Britain and the Russian Empire in the global system of international relations of the 19th century, but at the regional level it acted as an active actor, as evidenced by the territorial acquisitions of the Afghan rulers, as well as repeated attempts to implement them.

Keywords: Afghanistan, history of Afghanistan, Great Game, foreign policy of the Russian Empire, British foreign policy, international relations in the 19th century, history of international relations.

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation (project № 19-18-00162) implemented at the Leo Tolstoy Institute of Languages and Cultures.

Введение. Внешняя политика Афганистана в XIX в. наиболее часто становится объектом внимания исследователей в связи с тем, что эта страна на протяжении большей части позапрошлого столетия была объектом так называемой Большой игры — глобального геополитического соперничества между Британией и Российской империей, развернувшегося в Центральной Азии. Такой научный акцент задает подход к Афганистану как к пассивному объекту внешней политики других великих держав (в данном случае — Британии и России). Но был ли Афганистан самостоятельным актором, проводившим независимую и активную внешнюю политику, и если да, то в какой степени? Этот вопрос освещается в историографии достаточно

слабо, поскольку его затмевают собой яркие и динамичные события Большой игры. Главная задача настоящей статьи — рассмотреть основные направления внешней политики Афганистана в XIX в. и исходя из этого анализа сделать вывод о степени независимости внешней политики Афганистана в указанный период, а также о том, являлся ли Афганистан в XIX в. самостоятельным (и в какой мере) внешнеполитическим актором. Если говорить о хронологических рамках, то автор ограничится 1820–1890-ми годами включительно. Почему из поля рассмотрения выпали два первых десятилетия XIX в.? В 1818 г. произошел окончательный распад образованной в 1747 г. империи Дуррани, после чего Афганистан вступил в период политической раздробленности, продолвшийся несколько десятилетий. Новый этап объединения страны был начат Дост Мухаммад-ханом, ставшим политическим лидером Афганистана в 1834 г., поэтому автор начнет рассмотрение избранной им темы только с начала правления Дост Мухаммад-хана.

Прежде чем перейти к основной части статьи, следует обратиться к историографии вопроса. Как автор отметил выше, большинство исследователей рассматривают Афганистан в XIX в. в качестве объекта внешней политики великих европейских держав (исследования на эту тему насчитывают сотни монографий и статей, поэтому автор укажет лишь на некоторые из них [4–6; 8; 9; 12; 14; 16; 17; 22; 24–32]), акцентируя внимание на его второстепенном положении в глобальной системе международных отношений того периода времени и не фокусируясь на его активной деятельности. В настоящей статье автор сделает попытку посмотреть на Афганистан как на активно действующий актор международных отношений в Центрально-Азиатском и частично в Южно-Азиатском регионах. Данная тема иногда все же затрагивается исследователями, но довольно фрагментарно. Например, А. А. Салиев пишет следующее: «...можно свидетельствовать о том, что Афганистан, несмотря на свою всестороннюю отсталость, был важным субъектом в геополитике держав в Центральной Азии. Этот статус определялся его значимым географическим положением, чем он выгодно отличался от таких же... среднеазиатских ханств — Бухарского и Хивинского. Будучи “буфером” между двумя крупнейшими империями планеты — Британской и Российской, Афганистан неизбежно стал зависимым государством от Англии. Вместе с тем, как явствует из вышеизложенного, он пытался играть и самостоятельную роль в геополитике. В этом ему помогал статус истинно религиозного мусульманского государства, в котором многие приверженцы веры Пророка в Центральной Азии склонны были видеть защитника своих интересов и симпатизировали ему» [20, с. 79]. Автор же предпримет попытку комплексного анализа данного вопроса.

Ход и результаты исследования. Как активный региональный актор Афганистан отметился еще в период существования империи Дуррани: правители этого периода истории Афганистана значительно расширили границы страны

начиная с 1747 г., присоединив Герат, Кабул, Пешавар, а также распространив влияние на некоторые северные области Индии (например, Кашмир), Хорасан, Систан и на Афганский Туркестан (Балх, Шибирган, Кундуз, Меймене и Андхой) [13, с. 128–130; 15, с. 95–96]. В целом советские исследователи отмечают, что «держава, созданная Ахмад-шахом, была государством завоевателей. За первые полвека существования этого государства дурранийские правители провели большое число походов, из которых не менее 18 приходится на вторжение в Северо-Западную Индию. Восточный Иран и Южный Туркестан также неоднократно становились объектом афганских нашествий» [13, с. 128]. Завоевательным успехам афганских властителей этого периода способствовал ряд благоприятных внешних обстоятельств — распад империй Надир-шаха в Иране и Великих моголов в Индии, а также междоусобицы в Средней Азии.

Вместе с тем отметим, что империя Дуррани была слабым политическим образованием, существовавшим по большому счету благодаря тому, в какой степени лидеры племен и местные правители завоеванных территорий подчинялись власти афганского эмира. Например, власть афганских правителей на территории Балха фактически была номинальной, и это не единичный пример.

История внешней политики Афганистана в XIX в. (снова отметим, что в статье речь идет только о периоде с начала правления Дост Мухаммад-хана, с 1834 г.) отмечена рядом значительных событий, в которых существенную роль играли или Британия, или Российская империя, или обе великие державы сразу:

- Первая (1838–1842) и Вторая (1878–1880) англо-афганские войны: и если первая в целом окончилась поражением Британской империи, то вторая хотя и вынудила Британию вывести свои войска из Афганистана, но в итоге поставила внешнюю политику афганского эмира в зависимость от Британии, что по большому счету и было одной из целей владычицы морей в отношении этой азиатской страны;

- два афганских разграничения: 1872–1873 гг. и 1884–1885 гг., — в результате которых были установлены северные границы Афганистана и частично южные границы Российской империи;

- соглашение 1893 г., по которому была проведена так называемая линия Дюранда, сыгравшая выдающуюся роль в дальнейшей исторической судьбе Афганистана.

Этим событиям, в особенности двум англо-афганским войнам, посвящен ряд исследований, из знакомства с которыми может возникнуть впечатление, что Афганистан был лишь пассивным субъектом, пешкой в геополитике Большой игры. Однако, если рассмотреть внешнюю политику Афганистана в XIX в. более детально, можно увидеть, что данное представление не вполне соответствует действительности. Для подтверждения этого тезиса автора исследуем внешнеполитическую активность Афганистана в избранный для исследования период в хронологическом порядке.

Изначально внешнеполитическая деятельность Дост Мухаммад-хана была направлена на возвращение в орбиту его политического влияния афганских территорий, ставших независимыми после распада империи Дуррани. В 1826 г. он, еще не будучи эмиром Афганистана, распространил свою власть на Кабул. Накануне Первой англо-афганской войны Дост Муххамад-хан пытался заявить свои права на некоторые территории Сикхского государства, а в 1830-е и позже в 1840-е гг. отвоевать Пешавар [15, с. 171, 222], но безуспешно.

В конце 1840-х гг., после неудачи, постигшей его в попытках завоевания Пешавара, Дост Муххамад-хан начал активные действия по возвращению в орбиту своего влияния левобережья Амударьи, в результате которого в 1850-е – начале 1860-х гг. в состав государства был уже окончательно включен Афганский Туркестан (впрочем, какое-то время власть афганского эмира над этими территориями оставалась по большей части номинальной). Здесь автор напомним, что Афганский Туркестан был ранее завоеван в период существования империи Дуррани, но уже в начале XIX в. вышел из-под власти афганских правителей. Дост Муххамад-хану удалось осуществить «реконкисту» этих территорий. А во второй половине XIX в. в состав Афганистана вошел Бадахшан [11, с. 24], что более подробно будет рассмотрено далее.

Подчинение Афганского Туркестана получает отрицательную оценку в современной таджикской историографии. Как пишет историк Р. Абдуллоев, «военным успехам афганских завоевателей способствовали два обстоятельства. Во-первых, эти небольшие ханства оказались отрезаны от своей исторической и этнической базы, лишены поддержки родственной Бухары и прижаты тылом к Амударье. Во-вторых, после очередной неудачной попытки покорения Афганистана (1878–1880 гг.) и на фоне стремительного продвижения России в Средней Азии Англия начала оказывать материальную и военную поддержку боровшемуся за овладение северными областями афганскому эмиру... Поэтому ни о каком добровольном стремлении и желании вхождения этих ханств в состав афганского государства не может быть и речи» [1, с. 147]. Великобритании действительно было выгодно отвлекать пассионарные завоевательные устремления афганского эмира на лежащие к северу от Афганистана территории, с тем чтобы иметь для себя свободу действий в Пригиндукушье и в «полосе независимых племен», и эмиру с этой целью оказывалась английская финансовая и военная поддержка.

Последними объединительными действиями первого афганского эмира из династии Баракзаев стали завоевания (или, вернее сказать, возвращения) Кандагара и Герата. Ему удалось подчинить Кандагар (в ноябре 1855 г.) и Герат (в мае 1863 г.). Вхождение Герата в состав афганского государства было последним крупным шагом объединительной политики Дост Муххамад-хана, после чего он вскоре умер.

В целом в 1850–1860-е гг. афганскому правителю удалось преодолеть возникшую после распада империи Дуррани политическую раздробленность.

К середине XIX в. Афганистан находился практически в своих современных географических границах. Внешняя политика Дост-Мухаммад-хана и его наследника Шер Али-хана была достаточно активной и носила однозначно наступательный характер. Тем не менее это наступление было локальным — против политической активности Британии, направленной в том числе и на Афганистан как на объект, однако эта азиатская страна не могла оказать активного противодействия. Забегая вперед, автор отметит, что в результате событий Второй англо-афганской войны 1878–1880 гг. снова возникла ситуация политической раздробленности Афганистана, но эмиру Абдуррахман-хану удалось снова объединить Афганистан, уже окончательно.

Во второй половине XIX в. внешняя политика Афганистана попала в зависимость от Британской империи. Первым шагом к этому стало заключение договора от 30 марта 1855 г. между Британией и Афганистаном, согласно которому стороны дали обещание уважать территориальную целостность друг друга, но вместе с тем афганский эмир обязался быть союзником Ост-Индской компании, в то время как Британия не принимала на себя аналогичного обязательства [13, с. 154; 15, с. 226]. Подписав этот договор, афганский эмир отказывался от претензий на город Пешавар, уже вошедший в состав Британской Индии.

На рубеже 1860–1870-х гг. Британия перешла к активной наступательной политике в регионе Южной и Центральной Азии [10, с. 93], одним из итогов которой стала Вторая англо-афганская война. Почти за десять лет до начала этой войны состоялось первое из двух афганских разграничений (1872–1873 гг.), в результате которого северной границей Афганистана была признана река Амударья [3, с. 9]. За Афганистаном также признавались все те территории, которые входили в его состав на текущий момент времени, подчиняясь афганскому эмиру Шер Али-хану. При этом подчеркивалось, что афганский правитель не будет стремиться распространить свое влияние за пределы этих территорий, а британское правительство, в свою очередь, будет удерживать его от подобных шагов [3, с. 4].

Кроме того, в ходе первого афганского разграничения была подтверждена принадлежность афганскому эмиру Бадахшана, после чего Шер Али-хан полностью включил эту территорию в свои владения, сместив местного правителя в 1873 г. [2, с. 226], но, что интересно, первоначально в ходе англо-русских переговоров Россия склонялась к тому, чтобы считать Бадахшан и Вахан независимыми от афганского эмира территориями [3, с. 9–11], опираясь в подтверждение этого мнения в том числе на «Записку о северной границе Афганистана» [3, с. 17–19], составленную К. П. фон Кауфманом в результате исследований на месте. В итоге по данному вопросу победила позиция Британии, и Бадахшан был признан владением Афганистана.

По итогам Второй англо-афганской войны 1878–1880 гг. внешняя политика Афганистана уже официально оказалась под контролем Британской империи —

теперь эмир мог вести внешние сношения с другими государствами только через индийского вице-короля, а некоторые районы страны (Курам, Пишин и Сиби) оказались отторгнутыми от Афганистана. Впрочем, окончательное объединение Афганистана и даже присоединение новых территорий тоже состоялись благодаря активной политике афганского эмира Абдуррахман-хана после Второй англо-афганской войны [2, с. 172].

Активным внешнеполитическим региональным актором Афганистан проявил себя и в ходе второго афганского разграничения 1884–1885 гг., хотя здесь, как и в первом афганском разграничении, основную роль играли Британия и Российская империя, а афганские представители не привлекались даже к топографическим работам. Накануне второго афганского разграничения, в 1883 г., войска афганского эмира заняли западнопамирские княжества Шугнан и Рушан, не входившие в состав Афганистана согласно договору от 1873 г. (первое афганское разграничение), что вызвало дипломатический протест российского правительства в декабре 1883 г. как «произвольное действие, явно... могущее послужить исходным пунктом недоразумений и осложнений между Бухарой и Афганистаном» [3, с. 31]. Разумеется, к активности на северном направлении афганского эмира в немалой степени подталкивала Британия, но и самому афганскому правителю не чужды были внешнеполитические амбиции и желание расширить свои территории.

В связи со вторым афганским разграничением известен так называемый Пенденский инцидент, или же бой у Кушки, — кровопролитное вооруженное столкновение 30 марта (18 марта по ст. ст.) 1885 г. у моста Таш-Кепри подразделений русских и афганских войск, в результате которого афганцы понесли существенные людские потери и которое произошло вследствие занятия афганскими войсками этой территории и нежелания их ее покинуть (к чему афганцев подстрекали британцы), невзирая на обращения русских военных, в том числе и командующего войсками Закаспийской области генерал-лейтенанта А. В. Комарова. Итогом переговоров по второму афганскому разграничению стало признание за Россией населенного туркменами спорного Пенденского оазиса, в то время как к Афганистану отошел Зульфугарский проход [23, с. 264–266]. Афганское разграничение 1884–1885 гг. является, с одной стороны, показательным примером вовлечения Афганистана как объекта Большой игры в англо-российское соперничество, поскольку в переговорах по разграничению не принимали участия представители Афганистана, и афганская граница определялась, по сути, внешними акторами. Но, с другой стороны, афганский эмир проявлял свои политические амбиции, совершая определенные активные действия, в том числе и военные.

Несомненно, что британцы поддерживали Абдуррахман-хана в его территориальных притязаниях в отношении расположенных к северу от Афганистана земель, проявляемых в ходе переговоров по второму афганскому разграничению и особо ярко выразившихся в событиях Пенденского инцидента,

желая в том числе посредством этого отвлечь внимание эмира от северных территорий Британской Индии. Тем не менее, как представляется автору, имели место и личные амбиции Абдурахман-хана, желающего расширить свои владения и подобраться вплотную к русским землям в Центральной Азии и к вассальным в отношении России среднеазиатским ханствам: «Абдурахман-хан, используя англо-русские противоречия... стремился при дипломатической поддержке Англии удержать за собой возможно больше спорных районов во время разграничения» [13, с. 173]. В то же время афганский эмир отрицательно относился к возможности серьезно ухудшить отношения или тем более пойти на прямой военный конфликт с Россией: так, в 1881 г. Абдурахман-хан ответил отказом на предложение хивинского хана о союзе против России, а вскоре он же отказал одному из мервских ханов в просьбе о присоединении Мерва к Афганистану [13, с. 172]. Но благодаря двум афганским разграничениям, особенно второму из них, Афганистану все же удалось увеличить свои территории на севере.

Об активной политике Афганистана на северном направлении в последней четверти XIX в. свидетельствует еще один факт: в 1880–1890-х гг. на территории Туркестана довольно активно действовали афганские религиозные проповедники, которые сочетали пропаганду ислама с возбуждением в местном населении негативных чувств в отношении русского императора [21]. Им оказывалось противодействие со стороны русских военных. Об этом, в частности, подробно и с опорой на архивные документы пишет А. А. Салиев, исследовавший роль религии во внешней политике Афганистана во второй половине XIX в. Обратимся к самому автору: «одним из приближенных к эмиру представителей мусульманского “клира” в государстве был так называемый “Гуль-Падишах”, которого в Афганистане знали под именем Сахибзаде и очень уважали, поскольку он считался потомком “праведного” халифа Омара. Поэтому он имел огромный авторитет среди суннитов Афганистана и десятка тысяч мюридов (50–60 тыс.). Летом 1891 г. российским властям в Туркестане стало известно от российского генерального консула в Хорасане о том, что Гуль-Падишах намерен приехать в Закаспийскую область с целью пропаганды среди туркмен, после чего он намерен отправиться в Мекку по железной дороге до черноморских портов России, откуда морским путем намерен добираться до Джидды... Была отправлена соответствующая депеша в Азиатскую часть Главного штаба — орган, при помощи которого военное министерство руководило Туркестанским краем. 22 июня 1891 г. Азиатская часть Главного штаба предупредила начальника Закаспийской области, генерал-лейтенанта А. Н. Куропаткина о том, что, во вверенные ему пределы может прибыть известный афганский мусульманский теолог Гуль-Падишах, в связи с чем необходимо принять надлежащие меры... Позже, поскольку архив Закаспийской области был разграблен в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции, то не осталось документальных сведений о подрывной

деятельности афганского клирика среди туркмен, казахов, каракалпаков и прочих мусульман в области» [19, с. 102]. Этот же исследователь, ссылаясь на архивные документы, датируемые соответствующим периодом времени, пишет о том, что в конце XIX в. среди мусульманского населения Средней Азии распространялись поступающие из Афганистана листовки, составленные на местных языках [19, с. 104].

Хотя Британия, о чем шла речь выше, и пыталась направить активность афганских правителей на север от Афганистана, афганский эмир соперничал за территории и политическое влияние в них непосредственно с самой Британией, что особенно ярко проявилось в конце XIX в. Речь пойдет о так называемой полосе независимых племен — населенных этническими пуштунами территориях между Афганистаном и владениями Британской Индии, которые по факту вплоть до конца XIX в. сохраняли политическую независимость, и о небольших княжествах Гиндукуша, также самостоятельных. В конце XIX в. в сферу политического влияния Британии вошли малые пригиндукушские княжества, соответственно утратив свою независимость (по большей части они были завоеваны силой британского оружия) [11]. На территории княжеств Гиндукуша выказывал претензии и Абдурахман-хан, но с сильной Британской империей соперничать в этом вопросе он не мог [13, с. 175]. Афганский эмир в указанный период времени также презентовал себя как глава мусульман не только Афганистана, но и «полосы независимых племен», рассчитывая посредством распространения своего религиозного влияния получить также и политическое [15, с. 294].

12 ноября 1893 г. представитель британской колониальной администрации М. Дюранд (секретарь по иностранным делам правительства Индии) и Абдурахман-хан подписали соглашение, в соответствии с которым была проведена так называемая линия Дюранда, отделившая Афганистан от владений Британской Индии, а афганский эмир официально отказывался от политических притязаний на «полосу племен», получив взамен увеличение выплачиваемой ему Британией финансовой субсидии. В результате проведения этой граничной линии ряд пуштунских племен или их часть оказались за пределами Афганистана, т. е. территории традиционного проживания некоторых племен оказались разделены. Вместе с тем отметим, что проблема Пуштунистана, остро вставшая после проведения линии Дюранда, уходит корнями еще в середину XIX в., когда Британия захватила исторически населенный пуштунами Пешавар, а также отторгла Пенджаб.

По всей видимости, афганский эмир воспринимал соглашение с М. Дюрандом как временную, вынужденную меру, поскольку на протяжении следующих лет он продолжал поддерживать антибританские восстания пуштунов, оказавшихся на индийской стороне линии Дюранда [13, с. 183–184], выдвигая при этом и религиозные лозунги священной войны против неверных. Впрочем, Британии удалось достичь успеха в подавлении антибританских пуштунских

выступлений [7, с. 58–61] — и в этом вопросе Афганистан не мог соперничать с сильной Британией, как и в случае обладания правами на гиндукушские княжества.

Вместе с тем в соответствии с вышеуказанным соглашением от 1893 г. в состав Афганистана был включен Кафиристан, бывший вплоть до конца XIX в. независимым. В 1895–1896 гг. афганский эмир покорил и присоединил Кафиристан, получивший новое название — Нуристан, — а его жители были обращены в ислам. После этого события афганский эмир получил титул «свет нации и религии», еще больше подняв свой авторитет как мусульманского правителя.

И, пожалуй, последнее, о чем следует упомянуть в связи с региональной внешнеполитической активностью Афганистана в XIX в. — это вопрос о принадлежности Памира [18]. В 1895 г. было подписано англо-русское разграничение по Восточному Памиру, в результате которого в состав Афганистана официально вошел Ваханский коридор, ставший буфером между русскими территориями в Центральной Азии и британскими владениями в Индии, а также Китае. Более того, войска афганского эмира были выведены из занятых им ранее Шугнана и Рушана, а основная часть Памира осталась за Россией [23, с. 284–286]. Здесь снова можно видеть пример того, как Афганистан стал объектом Большой игры Британии и России, поскольку документ по разграничению подписывали они; и в то же время он проявил себя как внешнеполитический региональный актер, увеличив свои территории на северо-востоке.

К концу XIX в. границы Афганистана, сохраняющиеся вплоть до настоящего времени, в целом были установлены. Афганским эмирам удалось не только объединить под своей властью большую часть территорий, входивших в состав Афганистана в период существования империи Дуррани, но и стать владельцами новых земель, получить территориальные приобретения (Ваханский коридор, Нуристан, Бадахшан и др.).

Заключение. К каким выводам можно прийти в результате этого исследования? Если говорить о глобальной геополитике и глобальной системе международных отношений, то Афганистан в XIX в., несомненно, выступал объектом соперничества двух великих европейских держав — Британии и Российской империи, — что, впрочем, неоднократно и подробно исследовано. Если же обратить внимание на региональный уровень, то можно убедиться в том, что Афганистан довольно активно действовал как самостоятельный субъект региональной подсистемы международных отношений, распространяя свое политическое, и не только, влияние на сопредельные территории или, по крайней мере, стремясь к этому (ханства Средней Азии, Нуристан, Афганский Туркестан, Памир, территории проживания туркменских племен, пригиндукушские княжества, север Британской Индии и т. д.).

Разумеется, тема внешнеполитической активности Афганистана и его роли как актора международных отношений в Центральной Азии в рассматриваемый автором период требует более глубокого анализа, но эта статья призвана обратить внимание на внешнюю политику Афганистана в XIX в. именно в контексте его активности, а также инициировать научную дискуссию по данной проблеме.

Список источников

1. Абдуллоев Р. Влияние этнического фактора на становление афганской государственности // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17. № 1. С. 145–153.
2. Арунова М. Р., Лалетин Ю. П. Очерки средневековой и новой истории Афганистана. М.: Изд-во РУДН, 2010. 264 с.
3. Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885 гг. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1886. 381 с.
4. Бабаходжаев М. А. Английская агрессивная политика в Афганистане и борьбе афганского народа за независимость в 70-е годы XIX века // Независимый Афганистан (40 лет независимости) / отв. ред. Р. Т. Ахрамович. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 219–244.
5. Бабаходжаев М. А. Борьба Афганистана за независимость. 1838–1842. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 106 с.
6. Берзина А. А. Афганистан в политике Великобритании: вторая половина XIX – начало XX вв. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6. С. 25–27.
7. Богомолов С. А. Военно-полицейские операции на фронтире британской Индии (последняя треть XIX в.) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2012. № 1. С. 51–62.
8. Васильев С. Д. Афганистан как эпицентр российско-британского соперничества на Среднем Востоке в середине XIX в. // Студенческая наука: современные реалии: сборник материалов Международной студенческой научно-практической конференции (Чебоксары, 27 апреля 2017 г.). Чебоксары: Интерактив плюс, 2017. С. 9–12.
9. Гелла Т. Н. Российские дипломаты об имперской политике Великобритании конца 60-х – 70-х гг. XIX века (на основе документов архива внешней политики российской империи) // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. № 5 (61). С. 26–34.
10. Данков А. Г. Цели и задачи британской политики на северо-западных рубежах Индии в работах британских историков конца XIX века // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 91–97.
11. Искандаров Б. И. Гиндукуш во второй половине XIX века. М.: Наука, 1968. 94 с.
12. Исламова И. П. Политика Великобритании в Афганистане в конце XIX века // Личность и общество в историческом процессе: сборник статей Междунар. науч.-практ. конф., 9–10 апреля 2020 года / под ред. И. М. Эрлихсон, Ю. В. Савосиной, Ю. И. Лосева. Рязань: ИП Коняхин А. В. (Book Jet), 2020. С. 54–62.
13. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / отв. ред. Ю. В. Ганковский. М.: Мысль, 1982. 368 с.

14. Лисицына Н. Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях (1880-е – 1907 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук М., 2006. 30 с.
15. Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана: в 2 т. Т. 2. Афганистан в Новое время. М.: Наука, 1965. 552 с.
16. Никонов О. А. Политика Российской империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. 144 с.
17. Плеханов А. Е. Англо-русская политика в отношении Афганистана в конце XIX – начале XX века // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2012. № 2 (35). С. 56–64.
18. Постников А. В. Схватка на «Крыше Мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (монография в документах) / общ. ред. и предисл. академика В. С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 416 с.
19. Салиев А. А. Религиозные аспекты во внутренней и внешней политике Афганистана конца XIX века // Казачество. 2018. № 36 (6). С. 101–108.
20. Салиев А. А. Религиозный фактор во внутренней и внешней политике Афганистана конца XIX века // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2016. Т. 16. № 12. С. 76–80.
21. Салиев А. А. Религия и геополитика: Россия в Центральной Азии (вторая половина XIX – начало XX в.): афганский «синдром» // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2017. Т. 17. № 2. С. 173–177.
22. Сальникова А. В. Афганистан в политике Великобритании и России в конце XIX – начале XX века // Известия российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2009. № 99. С. 53–58.
23. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е. А. Адамова. М.: Госполитиздат, 1952. 463 с.
24. Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Тов-во науч. изданий КМК, 2012. 454 с.
25. Смирнова Л. М. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в 70–90-е годы XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. 27 с.
26. Халфин Н. А. Английская экспансия в Афганистане и освободительная борьба афганского народа в первой половине XIX века // Независимый Афганистан (40 лет независимости) / отв. ред. Р. Т. Ахрамович. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 180–218.
27. Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. – начало XX в.). М.: Соцэкгиз, 1959. 210 с.
28. Хоприн П. Большая игра против России: Азиатский синдром. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. 266 с.
29. Фурсов К. А. Геополитика или экономика? Соотношение целей англо-русской экспансии в Центральной Азии в XIX в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 1. С. 6–28.
30. Юлдашбаева Ф. Х. Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии (70–80-е годы XIX в.). Ташкент: Госиздат УзССР, 1963. 191 с.
31. Kakar M. Hassan. A political and diplomatic history of Afghanistan, 1863–1901. Leiden; Boston: Brill, 2006. 259 p.
32. Meyer K. E., Brysac S. B. Tournament of Shadows: The Great Game and the race for empire in Central Asia. New York: Basic Books, 2006. 648 p.

References

1. Abdulloev R. Vliianie etnicheskogo faktora na stanovlenie afganskoj gosudarstvennosti [Influence of the ethnic factor on the formation of the Afghan statehood] // Tsentral'naja Aziia i Kavkaz. 2014. T. 17. № 1. S. 145–153. (In Russ.).
2. Arunova M. R., Laletin Iu. P. Ocherki srednevekovoi i novoi istorii Afganistana [Essays on the medieval and modern history of Afghanistan]. Moscow: Izd-vo RUDN, 2010. 264 s. (In Russ.).
3. Afganskoe razgranichenie. Peregovory mezhdru Rossiei i Velikobritaniei 1872–1885 gg. St. Petersburg: Tipografii A. S. Suvorina, 1886. 381 s. (In Russ.).
4. Babakhodzhaev M. A. Angliiskaia agressivnaia politika v Afganistane i bor'be afganskogo naroda za nezavisimost' v 70-e gody XIX veka [English aggressive policy in Afghanistan and the struggle of the Afghan people for independence in the 70s of the XIX century] // Nezavisimyi Afganistan (40 let nezavisimosti) / otv. red. R. T. Akhramovich. Moscow: Izd-vo vostochnoi literatury, 1958. S. 219–244. (In Russ.).
5. Babakhodzhaev M. A. Bor'ba Afganistana za nezavisimost'. 1838–1842. [The struggle of Afghanistan for independence. 1838–1842]. Moscow: Izd-vo vostochnoi literatury, 1960. 106 s. (In Russ.).
6. Berzina A. A. Afganistan v politike Velikobritanii: vtoraja polovina XIX – nachalo XX vv. [Afghanistan in British politics: the second half of the XIX – early XX centuries] // Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naja mysl'. 2012. № 6. S. 25–27. (In Russ.).
7. Bogomolov S. A. Voенно-politseyskie operatsii na frontire britanskoj Indii (posledniaia tret' XIX v.) [Military police operations on the frontier of British India (last third of the 19th century)] // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'. 2012. № 1. S. 51–62. (In Russ.).
8. Vasil'ev S. D. Afganistan kak epitsentr rossiisko-britanskogo sopernichestva na Srednem Vostoke v seredine XIX v. [Afghanistan as the epicenter of Russian-British rivalry in the Middle East in the middle of the 19th century] // Studencheskaia nauka: sovremennye realii: sbornik materialov Mezhdunarodnoi studencheskoj nauchno-prakticheskoi konferentsii (Cheboksary, 27 apreliia 2017 g.). Cheboksary: Interaktiv plus, 2017. S. 9–12. (In Russ.).
9. Gella T. N. Rossiiskie diplomaty ob imperskoj politike Velikobritanii kontsa 60-kh – 70-kh gg. XIX veka (na osnove dokumentov arkhiva vneshnei politiki rossiiskoi imperii) [Russian diplomats on the imperial policy of Great Britain in the late 60s – 70s. XIX century (based on documents from the archive of the foreign policy of the Russian Empire)] // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 5 (61). S. 26–34. (In Russ.).
10. Dankov A. G. Tseli i zadachi britanskoj politiki na severo-zapadnykh rubezhakh Indii v rabotakh britanskikh istorikov kontsa XIX veka [Goals and objectives of British policy on the north-western borders of India in the works of British historians of the late 19th century] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 372. S. 91–97. (In Russ.).
11. Iskandarov B. I. Gindukush vo vtoroi polovine XX veka [Hindukush in the second half of the 19th century]. Moscow: Nauka, 1968. 94 s. (In Russ.).
12. Islamova I. P. Politika Velikobritanii v Afganistane v kontse XIX veka [British policy in Afghanistan in the 19th century] // Lichnost' i obshchestvo v istoricheskom protsesse: sbornik statei Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 9–10 apreliia 2020 goda / pod red.

I. M. Erlikhson, Iu. V. Savosinoi, Iu. I. Loseva. Riazan': IP Koniakhin A. V. (Book Jet), 2020. S. 54–62. (In Russ.).

13. Istoriia Afganistana s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Afghanistan from ancient times to the present day] / otv. red. Iu. V. Gankovskii. M.: Mysl', 1982. 368 s. (In Russ.).

14. Lisitsyna N. N. Zakaspiiskii krai v anglo-russkikh otnosheniakh (1880-e – 1907 gg.) [Transcaspian territory in Anglo-Russian relations (1880s – 1907)]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2006. 30 s. (In Russ.).

15. Masson V. M., Romodin V. A. Istoriia Afganistana [History of Afghanistan]: v 2 t. T. 2. Afganistan v Novoe vremia. Moscow: Nauka, 1965. 552 s. (In Russ.).

16. Nikonov O. A. Politika Rossiiskoi imperii na Srednem Vostoke vo vtoroi polovine XIX v. [Policy of the Russian Empire in the Middle East in the second half of the XIX century]. Moscow: Prometei, 2015. 144 s. (In Russ.).

17. Plekhanov A. E. Anglo-russkaia politika v otnoshenii Afganistana v kontse XIX – nachale XX veka [Anglo-Russian policy towards Afghanistan in the late XIX – early XX century] // Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina. 2012. № 2 (35). С. 56–64. (In Russ.).

18. Postnikov A. V. Skhvatka na «Kryshe Mira»: politiki, razvedchiki i geografy v bor'be za Pamir v XIX veke (monografiia v dokumentakh) [Fight on the “Roof of the World”: politicians, scouts and geographers in the struggle for the Pamir in the 19th century (Monograph in documents)] / obshch. red. i predisl. akademika V. S. Miasnikova. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2001. 416 s. (In Russ.).

19. Saliev A. A. Religioznye aspekty vo vnutrennei i vneshnei politike Afganistana kontsa XIX veka [Religious aspects in the domestic and foreign policy of Afghanistan at the end of the 19th century] // Kazachestvo. 2018. № 36 (6). S. 101–108. (In Russ.).

20. Saliev A. A. Religiozni faktor vo vnutrennei i vneshnei politike Afganistana kontsa XIX veka [Religious factor in the domestic and foreign policy of Afghanistan at the end of the 19th century] // Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavianskogo universiteta. 2016. T. 16. № 12. S. 76–80. (In Russ.).

21. Saliev A. A. Religii i geopolitika: Rossiia v Tsentral'noi Azii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.): afganskii «sindrom» [Religion and geopolitics: Russia in Central Asia (second half of XIX – early XX century): Afghan “syndrome”] // Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavianskogo universiteta. 2017. T. 17. № 2. S. 173–177. (In Russ.).

22. Sal'nikova A. V. Afganistan v politike Velikobritanii i Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Afghanistan in the policy of Great Britain and Russia in the late XIX – early XX century] // Izvestiia rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena. 2009. № 99. S. 53–58. (In Russ.).

23. Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917 / pod red. E. A. Adamova. Moscow: Gospolitizdat, 1952. 463 s. (In Russ.).

24. Sergeev E. Iu. Bol'shaia igra, 1856–1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentral'noi i Vostochnoi Azii [Big Game, 1856–1907: myths and realities of Russian-British relations in Central and East Asia]. Moscow: Tov-vo nauch. izdaniia KMK, 2012. 454 s. (In Russ.).

25. Smirnova L. M. Anglo-russkoe sopernichestvo v Tsentral'noi Azii v 70 – 90-e gody XIX veka [Anglo-Russian rivalry in Central Asia in the 70s – 90s of the XIX century]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. St. Petersburg, 2004. 27 s. (In Russ.).

26. Khalfin N. A. Angliiskaia ekspansiia v Afganistane i osvoboditel'naia bor'ba afganskogo naroda v pervoi polovine XIX veka [English expansion in Afghanistan and the liberation struggle of the Afghan people in the first half of the 19th century] // *Nezavisimyi Afganistan (40 let nezavisimosti) / otv. red. R. T. Akhramovich. M.: Izd-vo vostochnoi literatury, 1958. S. 180–218. (In Russ.)*.

27. Khalfin N. A. Proval britanskoi agressii v Afganistane (XIX v. – nachalo XX v.) [The failure of the British aggression in Afghanistan (XIX century – early XX century)]. Moscow: Sotsekgiz, 1959. 210 s. (In Russ.).

28. Khoprik P. Bol'shaia igra protiv Rossii: Aziatskii sindrom [The Great Game against Russia: Asian syndrome]. Moscow: RIPOL KLASSIK, 2004. 266 s. (In Russ.).

29. Fursov K. A. Geopolitika ili ekonomika? Sootnoshenie tselei anglo-russkoi ekspansii v Tsentral'noi Azii v XIX v. [Geopolitics or Economics? The ratio of the goals of the Anglo-Russian expansion in Central Asia in the 19th century] // *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'. 2017. № 1. S. 6–28. (In Russ.)*.

30. Iuldashbaeva F. Kh. Iz istorii angliiskoi kolonial'noi politiki v Afganistane i Srednei Azii (70–80-e gody XIX v.) [From the history of the English colonial Politics in Afghanistan and Central Asia (70–80s of the XIX century)]. Tashkent: Gosizdat UzSSR, 1963. 191 s. (In Russ.).

31. Kakar M. Hassan. A political and diplomatic history of Afghanistan, 1863–1901. Leiden; Boston: Brill, 2006. 259 p.

32. Meyer K. E., Brysac S. B. Tournament of Shadows: The Great Game and the race for empire in Central Asia. New York: Basic Books, 2006. 648 p.